**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
ТЮМЕНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

ВЕСТНИК АРХЕОЛОГИИ, АНТРОПОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Сетевое издание

**№ 2 (69)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

Выходит 4 раза в год

Главный редактор:
Зах В.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН

Редакционный совет:
Молодин В.И., председатель совета, акад. РАН, д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Добровольская М.В., чл.-кор. РАН, д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Бауло А.В., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН;
Бороффка Н., PhD, Германский археологический ин-т, Берлин (Германия);
Епимахов А.В., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН;
Кокшаров С.Ф., д.и.н., Ин-т истории и археологии УрО РАН; Кузнецов В.Д., д.и.н., Ин-т археологии РАН;
Лахельма А., PhD, ун-т Хельсинки (Финляндия); Матвеева Н.П., д.и.н., ТюмГУ;
Медникова М.Б., д.и.н., Ин-т археологии РАН; Томилов Н.А., д.и.н., Омский ун-т;
Хлахула И., Dr. hab., ун-т им. Адама Мицкевича в Познани (Польша); Хэнкс Б., PhD, ун-т Питтсбурга (США);
Чикишева Т.А., д.и.н., Ин-т археологии и этнографии СО РАН

Редакционная коллегия:
Дегтярева А.Д., зам. гл. ред., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Костомарова Ю.В., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН;
Пошехонова О.Е., отв. секретарь, ТюмНЦ СО РАН; Лискевич Н.А., отв. секретарь, к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Агапов М.Г., д.и.н., ТюмГУ; Адаев В.Н., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Бейсенов А.З., к.и.н., НИЦИА Бегазы-Тасмола (Казахстан); Валь Й., PhD, О-во охраны памятников Штутгарта (Германия); Зимина О.Ю., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Клюева В.П., к.и.н., ТюмНЦ СО РАН;
Крийска А., PhD, ун-т Тарту (Эстония); Крубези Э., PhD, проф., ун-т Тулузы (Франция);
Кузьминых С.В., к.и.н., Ин-т археологии РАН; Перерва Е.В., к.и.н., Волгоградский ун-т;
Печенкина К., PhD, ун-т Нью-Йорка (США); Пинхаси Р., PhD, ун-т Дублина (Ирландия);
Рябогина Н.Е., к.г.-м.н., ун-т Гетеборга; Слепченко С.М., к.б.н., ТюмНЦ СО РАН;
Ткачев А.А., д.и.н., ТюмНЦ СО РАН; Хартанович В.И., к.и.н., МАЭ (Кунсткамера) РАН

Утвержден к печати Ученым советом ФИЦ Тюменского научного центра СО РАН

Сетевое издание «Вестник археологии, антропологии и этнографии»
зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций; регистрационный номер: серия Эл № ФС77-82071 от 05 октября 2021 г.

Адрес: 625008, Червишевский тракт, д. 13, e-mail: vestnik.ipos@inbox.ru

Адрес страницы сайта: http://www.ipdn.ru

© ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2025

**FEDERAL STATE INSTITUTION
FEDERAL RESEARCH CENTRE
TYUMEN SCIENTIFIC CENTRE
OF SIBERIAN BRANCH
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VESTNIK ARHEOLOGII, ANTROPOLOGII I ETNOGRAFII

ONLINE MEDIA

**№ 2 (69)
2025**

ISSN 2071-0437 (online)

There are 4 numbers a year

Editor-in-Chief

Zakh V.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Editorial Council:

Molodin V.I. (Chairman of the Editorial Council), member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Dobrovolskaya M.V., Corresponding member of the RAS, Doctor of History,
Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Baulo A.V., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Boroffka N., PhD, Professor, Deutsches Archäologisches Institut (German Archaeological Institute) (Berlin, Germany)
Chikisheva T.A., Doctor of History, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Novosibirsk, Russia)
Chlachula J., Doctor hab., Professor, Adam Mickiewicz University in Poznan (Poland)
Epimakhov A.V., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Koksharov S.F., Doctor of History, Institute of History and Archeology Ural Branch RAS (Yekaterinburg, Russia)
Kuznetsov V.D., Doctor of History, Institute of Archeology of the RAS (Moscow, Russia)
Hanks B., PhD, Proffessor, University of Pittsburgh (Pittsburgh, USA)
Lahelma A., PhD, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
Matveeva N.P., Doctor of History, Professor, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Mednikova M.B., Doctor of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Tomilov N.A., Doctor of History, Professor, University of Omsk

Editorial Board:

Degtyareva A.D., Vice Editor-in-Chief, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kostomarova Yu.V., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Poshekhonova O.E., Assistant Editor, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Liskevich N.A., Assistant Editor, Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Agapov M.G., Doctor of History, University of Tyumen (Tyumen, Russia)
Adaev V.N., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Beisenov A.Z., Candidate of History, NITSIA Begazy-Tasmola (Almaty, Kazakhstan),
Crubezy E., PhD, Professor, University of Toulouse (Toulouse, France)
Kluyeva V.P., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Kriiska A., PhD, Professor, University of Tartu (Tartu, Estonia)
Kuzminykh S.V., Candidate of History, Institute of Archaeology of the RAS (Moscow, Russia)
Khartanovich V.I., Candidate of History, Museum of Anthropology and Ethnography RAS Kunstkamera
(Saint Petersburg, Russia)
Pechenkina K., PhD, Professor, City University of New York (New York, USA)
Pererva E.V., Candidate of History, University of Volgograd (Volgograd, Russia)
Pinhasi R., PhD, Professor, University College Dublin (Dublin, Ireland)
Ryabogina N.Ye., Candidate of Geology, Göteborgs Universitet (Göteborg, Sweden)
Slepchenko S.M., Candidate of Biology, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Tkachev A.A., Doctor of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)
Wahl J., PhD, Regierungspräsidium Stuttgart Landesamt für Denkmalpflege
(State Office for Cultural Heritage Management) (Stuttgart, Germany)
Zimina O.Yu., Candidate of History, Tyumen Scientific Centre SB RAS (Tyumen, Russia)

Address: Chervishevskiy trakt, 13, Tyumen, 625008, Russian Federation; mail: vestnik.ipos@inbox.ru
URL: http://www.ipdn.ru

ЭТНОЛОГИЯ

https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-69-2-14

УДК 392

Пашкова Т.В.

Петрозаводский государственный университет, просп. Ленина, 33, Петрозаводск, 185910
E-mail: tvpashkova05@mail.ru

ВЕТЕР В МИФОЛОГИИ КАРЕЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ НАРОДНОЙ МЕДИЦИНЫ)

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины XX в. до начала XXI в. География включает ареалы традиционного проживания карелов в современных административных границах в пределах России: Республика Карелия, Ленинградская область (Тихвинский район) и Тверская область (Весьегонский, Лихославльский и другие районы). Цель работы — комплексное исследование лингвокультурологических данных о ветре в мифологических воззрениях карелов на материале народной медицины. Исследование проводилось с применением компаративного метода, предполагающего сравнение и сопоставление в нашем случае языковых данных и сведений по традициям, обрядам, верованиям различных групп карелов, близкородственных карелам народов — вепсов и финнов, а также неродственных — русских. Изучение языковых и этнографических аспектов миноритарных народов носит актуальный характер. Научная новизна обусловлена малоизученностью мифологических представлений карелов о рассматриваемой стихии, а также отсутствием исследований о мотивах номинации болезней, источником которых является ветер. Главным результатом стало определение значения ветра в народной медицине: выявлены отрицательная (источник заболеваний) и положительная (лечение болезней по принципу «подобное лечится подобным», пускание заболевания по ветру) коннотации. Для исцеления хвори от ветра часто использовали силу знахаря. Лечение, как правило, происходило посредством заговоров, которые произносили одновременно с различными манипуляциями, направленными на выздоровление.

Ключевые слова: метеоним ветер, верования карелов, болезни, номинация, способы врачевания, традиционная культура карелов.

Ссылка на публикацию: Пашкова Т.В. Ветер в мифологии карелов (на материале народной медицины) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2025. 2. С. 159–166. https://doi.org/10.20874/2071-0437-2025-69-2-14

Введение

Природные стихии играют важную роль в формировании мифологической картины мира. Например, в мифологии карелов особенно тесно соседствуют три стихии — вода, лес и ветер, связанные со многими поверьями и обрядами. Основным источником древних мифологических представлений являлась вера в некое воздействие на физическое и в некоторых случаях психологическое состояние человека за нарушение определенных правил поведения, нанесение урона природе и др. К мифологическим воззрениям, например, на водные и лесные объекты у карелов и близкородственных прибалтийско-финских народов исследователи обращались неоднократно (см., напр.: [Жукова, Зайцева, 2020; Иванова, 1995; Hako, 1957; Pentikäinen, 1971]), чего нельзя сказать о ветре. Этнографы, этнологи и языковеды затрагивали некоторые мифологические и лингвокультурологические аспекты этой стихийной силы лишь спорадически, что обусловливает научную новизну данного исследования. Отдельные упоминания об изучаемом метеониме встречаются в работах Л.И. Ивановой [1995], С. Паулахарью [Paulaharju, 1924], П. Виртаранта [Virtaranta, 1957], Т. Вуорела [Vuorela, 1975] и др. Актуальность определяется необходимостью изучения и сохранения культуры и языков коренных малочисленных этносов. Важной в исследовании народной медицины является проблематика, связанная с прогностикой заболеваний, представленной в мифологии, фольклоре, традициях и языковой картине мира того или иного этноса. У карелов в качестве одной из причин возникновения целого ряда заболеваний оказывается ветер, что подчеркивает значимость изучения именно этого метеонима.

Целью работы является комплексное исследование лингвокультурологических данных об образе ветра в мифологических воззрениях карелов на материале народной медицины. Кроме того, в задачи исследования входит выявление своеобразия и общности представлений о ветре у

разных групп карелов и других народов. Источниковой базой для сбора языкового материала стали лексикографические издания и базы данных (образцы карельской речи, карелоязычные диалектные словари), фольклорные тексты, а также привлечен этнографический материал. Исследование проводилось с применением компаративного метода, предполагающего сравнение и сопоставление языковых данных и сведений по традициям, обрядам, верованиям различных групп карелов, близкородственных карелам народов — вепсов и финнов, а также неродственных — русских. Упомянутые этносы на протяжении длительного времени проживали и контактировали на одной территории, следствием чего стало взаимодействие и взаимовлияние языков и культур. Критериями для сравнительного анализа были определены: мифологические представления о ветре; именования и принципы номинации болезней; симптоматика, способы врачевания, олицетворение рассматриваемых недугов.

Результаты

В наречиях карельского языка для обозначения ветра используется полисемантичная лексема *tuuli* в следующих значениях: 1) ветер, ветреная погода; 2) сторона света, сторона горизонта; 3) олицетворяемая болезнь, полученная от ветра или насланная по ветру; мифологическое заболевание, насланное ветром; 4) настроение, расположение духа [Словарь карельского языка, 1990, с. 394; Словарь карельского языка, 1994, с. 310; Словарь собственно-карельских говоров, 2009, с. 650].

Согласно народным верованиям некоторых народов, ветер является живым существом, он персонифицировался: у всего есть душа — у луны, ветра, солнца, камня и т.д. Считалось, что враждебный дух, выходивший из них, мог воздействовать на человека или вселяться в него. Одним из самых мучительных воздействий было заболевание. В ряде этнографических и лексикографических источников упоминаются карельские народные названия болезней, некоторые из которых содержат номинации заболеваний от воздушной стихии. Самые ранние сведения по классификации заболеваний у карелов Олонецкого уезда были представлены в «Олонецких губернских ведомостях» в 1863 г.: болезни, насланные без причины, колдунами или злыми людьми; болезни, посланные по ветру (напр., сглаз, порча, щетинка и др.) [Петров, 1863, с. 188]. Паданские карелы верили, что существует группа болезней «по случаю», т.е. заболевания, приставшие от ветра, леса, воды [Зеленин, 1941, с. 120]. Известный финляндский исследователь культуры и языка карелов Й. Пентикяйнен, рассматривая различные аспекты народной медицины карелов севернокарельской деревни Оуланка, выделял следующие группы недугов: болезни, вызванные проклятием, колдовством или завистью плохого человека; болезни, приставшие от ветра, земли, бани, воды и др.; повреждения и травмы; болезни, насланные на человека Богом за различные провинности (оспа, дизентерия или брюшной тиф) [Pentikäinen, 1971, с. 234–235].

Персонифицированные духи болезней могли наказать человека за какие-либо провинности, наслать на него различные несчастья. Самым суровым наказанием считалось заболевание. Для определения источника «насланного» недуга обращались к знахарю. Повенецкие карелы приносили знахарю свои крест и пояс, по которым происходило разгадывание: откуда пристало заболевание — «с ветру, сглазу или доброй воли» [Повенецкие корелы…, 1863, с. 50]. В том случае, если знахарь не мог сразу определить источник насланной хвори, он обращался в заговоре ко всем возможным «виновникам»: «*Mist' on pulmat puuttun, taikiet tapahtun: kivestäkö, kannostako, vaiko vatturauniosta, vaiko kuollehen kojista, eli männehen majasta, satalauvan lappiosta? Vaiko lummehkorjuhun kojista, vesihiien hinkalosta, limaparran liepiestä? Elikkä onko tuska tuulin tullun, eli onko kiihtyn kiroista poahtun pahoista sanoista?*» [Paulaharju, 1924, с. 63] ‘Колдовство пошло откуда, ты взялась откуда, порча: не из камня, не из пня ли, или от кустов малины, из домов людей усопших, из жилищ людей усопших, от ската крыши стодощатой? Из норы с кувшинок свитой, с закромов водного Хииси, со двора владыки моря / тины? Или боль пришла по ветру, от проклятий разгорелась, от дурных слов распалилась?’ (перевод наш. — *Авт.*).

Согласно верованиям некоторых прибалтийско-финских народов, а также русских, ветер мог быть причиной недугов, которые обладали различной этиологией (напр., головная боль, ветрянка, насморк, инфекционные заболевания и др.) [Винокурова, 2015, с. 376; Попов, 1903, с. 11; Pulkkinen, Lindfors, 2016, с. 370]. Ряд наименований заболеваний представляют собой двухкомпонентные лексемы (в генитивной конструкции), первый композит которых обозначает субъект воздействия (напр., лес, вода, ветер и др.), второй — как правило, симптом заболевания, духов стихий или результат воздействия. Обратимся к конкретным примерам.

В мифологических представлениях карелов заболевание *tuulennenä* (букв. *tuulen-* ‘ветра’ + *nenä* ‘нос’) ‘болезнь, по поверьям, приставшая от ветра’ приставало к человеку во время дви-

жения вихря. Интерес вызывает вторая часть наименования *tuulennenä,* а именно — *nenä,* которая в карельском языке полисемантична (см. подробнее об этом: [Конгоева, 2023, с. 402]). По мнению зарубежных языковедов Т. Вуорела и К. Астед, главными значениями лексемы *nenä* являются ‘некая мистическая болезнь’ и ‘некое мифическое духовное существо’. При этом отмечается, что семантически граница между этими понятиями весьма тонкая [Astedt, 1960, s. 307; Vuorela, 1975, s. 290]. Известный фольклорист Л.И. Иванова считает, что оба упомянутых значения едины, что обусловлено персонификацией болезни, которая воспринимается «как некое живое существом» [2012, с. 69]. Панозерские карелы для того, чтобы уберечь себя от данного недуга во время движения сильного ветра, показывали ему кукиш [Конкка, 2003, с. 406]. Тверские карелы верили, что *kun noužou, pidäy šuu šalvata, ožuttua kukkuo, veis't'ä tagada* ‘если поднимется вихрь, нужно закрыть рот, показать из-за спины кукиш и нож’ [Словарь карельского языка, 1994, с. 310]. Кукиш надо было показать несколько раз подряд и обязательно правой рукой [Конкка, 2003, с. 406]. Считалось, что в этом случае хворь пройдет мимо. Если все-таки болезнь приставала, то, во-первых, она могла прицепиться как к ребенку, так и ко взрослому; во-вторых, — к любой части тела. В качестве симптомов отмечали следующие: у карелов-ливвиков — кашель или тошнота [Karjalan kielen sanakirja, 2005, с. 328], головная боль [Словарь карельского языка, 1990, с. 244]; у собственно карелов — хрипота во время сна (у детей), красные прыщи на коже [Karjalan kielen sanakirja, 2005, с. 328], сердечный приступ [Virtaranta, 1958, с. 124].

Карелы Сямозерского района верили, что во время ветреной погоды к человеку цеплялась болезнь *ilmannenä* (букв. *ilman-* ‘погоды/воздуха’ + *nenä* ‘нос’): «*Ilmannenä on lapses, tuules tulluh*» ‘Насланная по ветру болезнь у ребенка, от ветра пришла’ [Karjalan kielen sanakirja, 1968, с. 438]. Второй компонент *-nenä* указывает на мифологическую составляющую в происхождении данной болезни.

Еще одним именованием, используемым для обозначения некой мифологической болезни, насланной ветром или по ветру, является *tuulimuahine*. Первая часть именования обозначает уже ранее упомянутую действующую стихию ‘ветер’. Вторая часть — *muahine* содержит мифологическую подоплеку, которая прослеживается в семантике и симптомах. В лексикографических источниках зафиксировано несколько значений у данного именования: 1) экзема, появившаяся от земли или от воды [Karjalan kielen sanakirja, 1983, с. 330]; 2) некое кожное заболевание, проявляющееся в виде нарывов (согласно верованиям, исходило от бани, земли и др.) [Словарь карельского языка, 1994, с. 163]; 3) болячка, приставшая от земли [Степанова, 2000, с. 287]. У карелов насчитывается 12 видов *muahine*, имеющих различную этиологию и способы лечения: напр., *vezimuahine* (букв. *vezi* ‘вода’ + *muahine* ‘экзема/болячка’). Согласно мифологическим представлениям карелов, заболевание могло пристать от колодезной или проточной воды. В качестве симптомов отмечалась гнойная экзема, *tulimuahine* (букв. *tuli* ‘огонь’ + *muahine* ‘экзема/болячка’). Карелы верили, что причиной этой болезни была зола, в том случае если человек плевал в огонь и в одновременно думал: «Не надо было так думать!». Проявлялась в виде сухой экземы; *tuulimuahine* (букв. *tuuli* ‘ветер’ + *muahine* ‘экзема/болячка’). Человек мог заразиться этим недугом от ветра. Главным симптомом считался сильный жар [Пашкова, 2015].

Еще одно заболевание, в котором субъектом воздействия на физическое состояние человека является ветер,— ветрянка (см. подробно об этом: [Пашкова, 2024]). На виновность ветра в возникновении этого недуга указывает в первую очередь его наименование *tuulenrubi* ‘ветрянка’ (букв. *tuulen* ‘ветра, ветряная’ + *rubi* ‘болячка/оспа’), которое было зафиксировано в тверском диалекте собственно карельского наречия карельского языка [Словарь карельского языка, 1994, с. 310]. Для исцеления от ветрянки, а также от некоторых других болезней, насланных ветром (напр., *tuulennenä*, *ilmannenä*), использовали чаще всего *tuulenkobru* (букв. *tuulen-* ‘ветра’ + *kobru* ‘горсть’). Эта традиция была распространена и у других прибалтийско-финских народов, а также у русских (ср.: вепс. *tuĺĺiipeza* (букв. *tuĺĺii* ‘ветреное’ + *peza* ‘гнездо’), фин. *tuulenpesä* (букв. *tuulen-* ‘ветра’ + *pesä* ‘гнездо’), рус. *вихоревo гнездо*, *ведьмино помело, ведьмина метла*) [Винокурова, 2015, с. 376; Попов, 1903, с. 11; Pulkkinen, 2016, с. 370]. *Tuulenkobru* образовывалось, как правило, на березе, ели или ольхе и представляло собой густой веник из коротких, тесно друг к другу расположенных веточек, напоминающих аномальное развитие. Ранее карельские крестьяне не могли объяснить данное явление и поэтому придавали ему магическое значение. Судя по номинации ведьминого помела (*tuulenkobru* — первый композит *tuulen-* ‘ветреный, ветра’) в карельском языке, карелы считали ветер виновником образования таких «горстей», а *tuulenkobru* — обладающим магической силой и использовали его для лечения тех недугов, которые насылались по ветру или приставали от него.

Привлеченные сравнительные материалы по мифологии и лингвокультурологии родственных карелам народов, а также русских показывают, что ветер персонифицировали и считали его источником некоторых болезней. Согласно сведениям из вепсской мифологии, ветер олицетворялся в виде некого «незримого существа» и мог стать причиной болезни *Ĺendandtuĺĺii* ‘ветрянка’ (букв. *Ĺendand* ‘летучий’ + *tuĺĺii* ‘ветер’) [Винокурова, 2015, с. 375]. В представлениях финнов ветер не только мог быть причиной заболевания, от которого избавлялись отправляя его по ветру, но и являлся мифической причиной беременности: «*Louhen, Pohjolan emännän, kerrotaan tulleen pohjatuulesta raskaaksi ja synnyttäneen yhdeksän tautidemonia*» [Pulkkinen, 2016, с. 370] ‘Лоухи, хозяйка Похъёлы, как рассказывают, забеременела от северного ветра и родила девять демонов болезней’. В верованиях славян ветер наделяется свойствами демонических существ. Согласно славянской мифологии, источниками болезней является злой ветер — вихрь или навеянные колдунами по вихрю чары [Плотникова, 1996, с. 359]. В удмуртской мифологии к злым опасным духам относится Толпери — дух ветра, который является в образе вихря-разрушителя [Муравьева, 2023, с. 97].

У карелов считалось, что ветер становился причиной и других, помимо ветряной оспы, конкретных заболеваний. Так, например, тверские карелы (д. Никифариха, Лихославльский р-н) были уверены, что ветром насылалась золотуха (кар. *tuulen n’en’ä,* букв. *tuulen-* ‘ветра’ + *nenä* ‘нос’). Это же наименование использовали при номинации сухой скрученной ветви ели или ольхи, что указывало на то, что человек и дерево могли быть сражены одной стихией [Фишман, 2009, с. 158]. В этом случае лечение происходило согласно принципу «подобное лечится подобным», что, в общем, было свойственно карельской народной медицине. Беломорские карелы для лечения прыщей, образовавшихся вследствие приставшей хвори от ветра, обливались через березовое или ольховое ведьмино помело [Virtaranta, 1961, с. 208], коткозерские карелы — сквозь березовое. Воду набирали из источника, читая молитву. Обливание проводили около печного душника. Тверские карелы, проживающие в с. Воздвиженка, при появлении любой сыпи на теле или ветрянки прибегали к магическому обливанию: заболевшего ребенка окатывали, пропуская воду через лопату, борону и ольховое (если болела девочка) и еловое (если болел мальчик) ведьмино помело. Данный ритуал сопровождали заговором: «*Aštovalla aštoičen, labijella roičen, leppazella tulen pežolla kylvetän oigien hengen ristikanžan*» ‘Бороною я бороню, лопатою я копаю, ольховым ветряным гнездом я буду парить правую душу крещеную’ [Virtaranta, 1983, с. 234–238].

Карелы примечали, что симптомами ветряной болезни могли быть головная боль или хрипота. Карелы-ливвики головную боль излечивали, произнося заговор от ветра: «*Etgo tie kedä tuules oppijua, piän kivištäy ku tuuli kohuou, uližou?*» ‘Не знаешь ли ты, кто может от ветра заговорить, голова болит, словно ветер шумит, воет?’ [Словарь карельского языка, 1990, с. 244]. При возникновении головной боли простудного характера считалось полезным обливание головы водой, целебную силу которой придавала *tuulenkopra* [Никольская, Сурхаско, 1994, с. 106]. Еще одним способом лечения рассматриваемого недуга было пускание болезни по ветру. Возможно, в данном случае нужно рассматривать метод избавления от заболевания как «подобное лечится подобным», что было очень распространено среди карелов (см., напр.: [Kolosova, 2022; Pashkova, 2021]). Так, северные карелы, проживающие в Калевальском районе Республики Карелии, изгоняли головную боль, пуская ее по ветру с помощью заклинания: *Mäne tuulilla, mäne ahavilla kolmen vuaran korkevuolla korkeimmaksi korpipuita, korkeimmaksi korpikoivuja* [Lyytinen, 1996, с. 37] ‘Иди по ветрам, иди по суховеям, повыше трех гор, над могучим древним лесом, выше корбы многовечной’ (перевод наш. — *Авт.*). Хрипота проявлялась чаще всего у детей во время сна. Лечение проводили рациональным способом — прогреванием ребенка в квашне с горячим хлебом [Karjalan kielen sanakirja, 2005, с. 328].

У тихвинских карелов, проживающих в Ленинградской области, были зафиксированы верования о существование болезни *dospeška* (кар. *ka muońe nazįvaiččieččö dospeška* ‘да такая болезнь, называется доспешка’) [Образцы карельской речи, 1980, с. 240], которые возникли под влиянием языковых и культурных контактов карелов и русских (ср. *доспешка* — случай, нечаянность, беда, болезнь, припадок [Даль, 2005, с. 218]). Жители карельской деревни Коргорка Ленинградского района предполагали, что *доспешка* — болезнь, приставшая к человеку в случае его падения или пореза. В этот момент человек мог испугаться и ойкнуть, что указывало на возникновение доспешки от испуга. Лечение проводили с помощью заговоренного подсолнечного масла, на которое нашептывали: «*…izbaft’e raba božeida ka moižešta napast’ista…*» ‘…избавьте рабу Божию от такой напасти…’ [Образцы карельской речи, 1980, с. 240]. В русской народной традиции тоже было зафиксировано представление о доспешке и ее разновидностях: «*…попрошу я у красной девицы здоровья от*

доспешки, от вешней, полувешней, от летней, полулетней, от осенней, полуосенней, от зимней, полузимней, от земляной доспешки, водяной доспешки, ветряной доспешки…» [Сказания русского народа, 1885, с. 134]. Отрывок текста этого заговора показывает, что у русских крестьян были различные представления о причинах появления доспешки: от призора или сглаза («*от осудища… от темного волоса… от всякого нечистого взгляда*»), от земли, воды, ветра, встречного путника («*от земляной доспешки, водяной доспешки, ветряной доспешки, от стречника и поречника*»). Данное заболевание имело локальный характер.

Для исцеления хвори от ветра часто использовали силу знахаря: «*Tuulennenän ojjendi tiedoin'iekku*» ‘Хворь от ветра лечил знахарь’ [Karjalan kielen sanakirja, 2005, s. 328]. Лечение, как правило, происходило посредством заговоров, в которых обращались за помощью к языческим, а позднее — к христианским божествам и святым (напр., хозяину воды, бани, ветра), животным (напр., пчеле, медведю), природным стихиям (напр., ветру, огню). Как правило, адресатом в тексте заговора выбирался тот, от кого (или откуда) болезнь пришла / пристала (напр., дева мороза, король леса, хозяин воды и др.). Произнося заговор, болезнь, оказавшуюся в человеке, пытались усмирить, а затем ее отправляли по воде в лодочке, собирали в рукавицу, пускали по ветру, т.е. пытались сделать так, чтобы она больше не вернулась. В карельских заговорах ветер персонифицировался: к нему обращались как к некому живому существу, называя его *tuulen ižändy* ‘хозяин ветра’, *tuulen emändät* ‘хозяйка ветра’, *armahane tuvlut* ‘любимый ветерочек’, *tutavane tuvlut* ‘знакомый ветерочек’ и др. Кроме того, согласно текстам заговоров, у ветра были дочери, сыновья, прислуга и др.: *tuulen poijat* ‘сыновья ветра’, *tuulen tyttäret* ‘дочери ветра’, *tuulen kazakat* ‘батраки ветра’, *tuulen käskyläzet* ‘слуги ветра’. Заговоры произносили одновременно с различными манипуляциями, направленными на выздоровление. Например, тверские карелы предполагали, что одной из причин головной боли могла стать простуда, появившаяся по причине ветреной погоды / ветра.

Согласно сведениям 30-х гг. XIX в. самыми распространенными заболеваниями среди карелов, проживающих в Олонецкой губернии, считались те, которые возникли вследствие холодных ветров [Бергштрессер, 1838, с. 55]. Лечение происходило в бане: во время парения произносили заговор «*Tuvlut mie tutavane, ahavane, armahane, ota miun oma bolesti, ana miula oma t'ervehyš raba božijlda Man'alda*» ‘Ветерочек мой знакомый, холодный, любимый, возьми мою болезнь, дай мне свое здоровье рабе Божьей Маше’. Считалось, что парение помогает от головной боли [Фишман, 2009, с. 154]. Для лечебной бани заготавливали специальные дрова: из дерева, которое было повалено ветром или опалено молнией [Paulaharju, 1982, s. 106].

Следствием хвори от ветра могла быть болезнь глаз. Лечением такого недуга занималась знахарка, которая выходила с заболевшим на улицу, бросала по направлению ветра три вида муки и произносила заговор: *Tuulen ižändät, tuulen emändät, tuulen valgiet vahnembat. Tuulen kullat kuningat, tuulen poijat, tuulen tyttäret, tuulen kazakat, tuulen käskyläzet, prostikkuo ristikanzuo, piästäkkiät i pellastako* [Миронова, 2013, с. 125] ‘Хозяева ветра, хозяйки ветра, белые прародители ветра. Цари золотого ветра, сыновья ветра, дочери ветра, батраки ветра, прислуги ветра, простите человека, освободите и отпустите’.

Заключение

Итак, в мифологических представлениях карелов стихии олицетворялись: они могли стать не только источником заболеваний, но и способом избавления от возникших недугов. Этот комплекс верований свойственен как карелам, так и близкородственным им народам — вепсам, финнам. Кроме того, идентичные сведения зафиксированы у некоторых других финно-угорских народов (например, у удмуртов), а также у неродственных — у русских. Общность взглядов на мифологическое осмысление причин возникновения болезней, их симптоматику и исцеление у разных народов, контактирующих так или иначе в процессе проживания на одной или близлежащих территориях указывает не только на этногенетическую общность, но и на межэтническое взаимовлияние и взаимодействие культур. Анализируемые карелоязычные наименования неких мифологических болезней, насланных ветром или по ветру, представляют собой двукомпонентные лексемы, содержащие в первой части лемму, обозначающую действующую стихию ‘ветер’. Вторая часть содержит мифологическую подоплеку, которая прослеживается в семантике и симптомах: *nenä* ‘некая мистическая болезнь’ / ‘некое мифическое духовное существо’ (симптомы — кашель, тошнота, головная боль, хрипота во время сна (у детей), красные прыщи); *muahine* ‘экзема, появившаяся от земли или от воды’, ‘некое кожное заболевание, проявляющееся в виде нарывов’, ‘болячка, приставшая от земли’ (симптомы — экземы, болячки, короста) и др. Согласно верованиям карелов, ветер мог быть причиной конкретных недугов (напр., ветрянка, золотуха, доспешка).

Для исцеления от большинства болезней, вызванных или насланных ветром, использовали чаще всего *tuulenkobru* (букв. *tuulen-* ‘ветра’ + *kobru* ‘горсть’). При лечении хвори от ветра часто использовали силу. Лечение, как правило, происходило посредством заговоров, в которых обращались за помощью к ветру как некому живому существу, называя его *tuulen ižändy* ‘хозяин ветра’, *tuulen emändät* ‘хозяйка ветра’, *armahane tuvlut* ‘любимый ветерочек’, *tutavane tuvlut* ‘знакомый ветерочек’ и др. Кроме того, согласно текстам заговоров, у ветра были дочери, сыновья, прислуга и др.: *tuulen poijat* ‘сыновья ветра’, *tuulen tyttäret* ‘дочери ветра’, *tuulen kazakat* ‘батраки ветра’, *tuulen käskyläzet* ‘слуги ветра’. Заговоры произносили одновременно с различными манипуляциями, направленными на выздоровление.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бергштрессер К. Опыт описания Олонецкой губернии. СПб.: Экспедиции заготовления Государственных бумаг, 1838. 135 с.

Винокурова И.Ю. Мифология вепсов. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2015. 524 с.

Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. М.: Эксмо, 2005. 736 с.

Жукова О.Ю., Зайцева Н.Г. «Лесной нос», «нос ветра», «проклятие воды»: Мифология на службе номинации (вепсские наименования болезней, исходящих от лесных духов, воды и ветра) // Научный диалог. 2020. № 11. С. 53–66.

Зеленин Д.К. О старом быте карел Медвежьегорского района Карело-Финской ССР // СЭ. 1941. № 5. С. 110−125.

Иванова Л.И. К вопросу о бытовании карельской мифологической прозы и некоторых ее персонажах // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Периодика, 1995. С. 30–52.

Иванова Л.И. Лесной нос: Архаические представления карелов о болезни и магические локусы ритуала исцеления // Труды Карельского научного центра РАН. Гуманитар. исследования. 2012. Вып. 4. С. 68–73.

Конгоева А.А. Сомат nenä ‘нос’ в карельских фразеологизмах // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15. № 4. С. 401–407.

Конкка А.П. Родины и детские недуги. Ночница. Сглаз. Родимчик. Народная медицина. Знахарство и колдовство // Панозеро: Сердце Беломорской Карелии. Петрозаводск: Juminkeko-säätiö: ПетрГУ, 2003. С. 386−414.

Миронова В.П. Фольклорные традиции Ведлозерья. Петрозаводск: Verso, 2013. 414 с.

Муравьева Т. Мифы Поволжья: От Волчьего владыки и Мирового древа до культа змей и птицы счастья. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2023. 328 с.

Никольская Р.Ф., Сурхаско Ю.Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1994. С. 103–121.

Образцы карельской речи / Сост. В.Д. Рягоев. Л.: Наука, 1980. 382 с.

Пашкова Т.В. Этиология и способы лечения болезни *muahine* в понимании карел // Финно-угорский мир. 2015. № 1 (22). С. 47−50.

Пашкова Т.В. Религиозно-мифологические воззрения карелов на болезни оспу, краснуху, корь и ветрянку // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 151−158.

Петров К. Болезни простого народа // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 48. С. 183−189.

Плотникова А.А. Ветер // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 1996. Т. 1. С. 86−88.

Повенецкие корелы: Их домашний и общественный быт, поверья и предания // Олонецкие губернские ведомости. 1863. № 14. С. 50.

Попов Г.И. Русская народно-бытовая медицина: по материалам этнографического бюро князя В.Н. Тенишева. СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1903. 401 с.

Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым: Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, присловья и притчи. СПб.: Изд. А.С. Суворина, 1885. 298 с.

Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск: Карелия, 1990. 495 с.

Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А.В. Пунжина. Петрозаводск: Карелия, 1994. 396 с.

Словарь собственно-карельских говоров Карелии / Сост. В.П. Федотова, Т.П. Бойко. Петрозаводск: КнигоГрад, 2009. 752 с.

Степанова А.С. Устная поэзия тунгудских карел. Петрозаводск: Периодика, 2000. 384 с.

Фишман О.М. Знающая — больная: из опыта полевой автобиографии // Проблемы духовной культуры народов Европейского Севера и Сибири. Гуманитар. исследования. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. Вып. 2. С. 135–172.

Astedt K. Mytologisista nenä — yhdynnäisistä // Kalevalaseuran vuosikirja. Porvoo; Helsinki, 1960. № 40. S. 307−322.

Hako M. Kansanomainen lääkintätietous. Helsinki: SKS, 1957. 255 s.

Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae, I, 1968. 590 s.; III, 1983. 584 s; V, 1997. 634 s.; VI, 2005. 782 s.

Kolosova V., Pashkova T., Muslimov M., Sõukand R. Historical Review of Ethnopharmacology in Karelia (1850s–2020s): Herbs and healers // Journal of Ethnopharmacology. 2022. https://doi.org/10.1016/j.jep.2021.114565

Lyytinen L. Priusan kolkkajaiset. Kalevala; Uhtua: Arhippa Perttusen säätiö, 1996. 56 s.
Pashkova T.V. Karelian mythological beliefs about animals and birds (on the example of folk medicine) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15. № 4. С. 633–641.
Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo: WSO, 1924. 186 s.
Paulaharju S. Karjalainen sauna. Helsinki: SKS, 1982. 109 s.
Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto. Helsinki: SKS, 1971. 391 s.
Pulkkinen R., Lindfors S. Suomalaisen kansanuskon sanakirja. Tallinna: Gaudeamus, 2016. 432 s.
Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo; Helsinki: WSO, 1958. 804 s.
Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki: WSO, 1961. 271 s.
Virtaranta P. Tverinkarjalasta parannustietoa // Kansa parantaa. Helsinki: SKS, 1983. S. 231−241.
Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1975. 776 s.

Pashkova T.V.
Petrozavodsk State University, prosp. Lenina, 33, Petrozavodsk, 185910, Russian Federation
E-mail: tvpashkova05@mail.ru

Wind in the mythology of Karelians (based on folk medicine data)

The chronological framework of this research covers the period from the mid-20th to the early 21st century. The geography of the study includes the areas of traditional residence of Karelians within the modern administrative borders of Russia: the Republic of Karelia, the Leningrad Oblast (Tikhvin District) and the Tver Oblast (Vesyegonsk, Likhoslavl and other districts). The purpose of the presented research is a comprehensive study of linguoculturological data on the image of the wind in the mythological views of Karelians based on the material of folk medicine. The study was conducted using the comparative method, which involves comparing and contrasting linguistic data and information on the traditions, rituals, and beliefs of various groups of Karelians, peoples closely related to Karelians — Veps and Finns, as well as unrelated peoples — Russians. At present, the studies involving the linguistic and ethnographic aspects of minority peoples are topical. The scientific novelty of this research is due to the poorly studied mythological ideas of Karelians about the element in question, as well as the lack of research on the motives for naming diseases, the source of which is wind. The main result was the determination of the significance of wind in folk medicine: negative (source of diseases) and positive (treatment of diseases according to the principle of “like is cured by like”, sending the disease to go to the wind) connotations were identified. To cure an ailment from the wind, the power of a healer was often used. The treatment, as a rule, took place through spells that were pronounced simultaneously with various manipulations aimed at recovery.

Keywords: meteorological name wind, Karelian beliefs, diseases, nomination, methods of healing, traditional Karelian culture.

REFERENCES

Astedt, K. (1960). Mytologisista nenä -- yhdynnäisistä. *Kalevalaseuran vuosikirja*, (40). Porvoo; Helsinki, 307−322.
Bergshtresser, K. (1838). *Experience of describing the Olonets province.* St. Petersburg. (Rus.).
Dal, V.I. (2005). *Explanatory dictionary of the Russian language*. *Modern version.* Moscow: Eksmo. (Rus.).
Fedotova, V.P., Boyko, T.P. (Komp.) (2009). *Dictionary of proper Karelian dialects of Karelia.* Petrozavodsk: KnigoGrad.
Fishman, O.M. (2009). Knowing is sick: from the experience of field autobiography. In: *Problemy dukhovnoy kul'tury narodov Yevropeyskogo Severa i Sibiri*: *Sbornik statey pamyati Yu.Yu. Surkhasko. Gumanitarnyye issledovaniya*. *Tom 2.* Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr RAN, 135–172. (Rus.).
Hako, M. (1957). *Kansanomainen lääkintätietous.* Helsinki: SKS.
Ivanova, L.I. (1995). On the question of the existence of Karelian mythological prose and some of its characters. *Fol'kloristika Karelii*. Petrozavodsk: Periodika, 30–52. (Rus.).
Ivanova, L.I. (2012). Forest nose: archaic ideas of Karelians about illness and magical loci of healing ritual. *Trudy Karel'skogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. *Gumanitarnyye issledovaniya*. *Vyp. 4*. Petrozavodsk: Karelskiy nauchnyy tsentr RAN, 68–73. (Rus.).
Kolosova, V., Pashkova, T., Muslimov, M., Sõukand, R. (2022). Historical Review of Ethnopharmacology in Karelia (1850s–2020s): Herbs and healers. *Journal of Ethnopharmacology*. https://doi.org/10.1016/j.jep.2021.114565
Kongoeva, A.A. (2023). Somat nenä ‘nose’ in Karelian phraseological units. *Finno-ugorskiy mir*, 15(4), 401–407. (Rus.).
Konkka, A.P. (2003). Homeland and childhood illnesses. Nochnitsa. Evil eye. Convulsions. Ethnoscience. Witchcraft and witchcraft. In: *Panozero: Serdtse Belomorskoy Karelii*. Petrozavodsk: Juminkeko-säätiö, PetrGU, 386−414. (Rus.).
Lyytinen, L. (1996). Priusan kolkkajaiset. Kalevala; Uhtua: Arhippa Perttusen säätiö.
Makarov, G.N. (Komp.) (1990). *Dictionary of the Karelian language (Livvik dialect)*. Petrozavodsk: Karelia.
Mironova, V.P. (2013). *Folklore traditions of Vedlozerye.* Petrozavodsk: Verso. (Rus.).
Muravyova, T. (2023). *Myths of the Volga region. From the Wolf Lord and the World Tree to the cult of snakes and the bird of happiness.* Moscow: Mann, Ivanov i Ferber. (Rus.).

Nikol'skaya, R.F., Surhasko, Yu.Yu. (1994). About the Karelian folk medicine: rational and “irrational” in traditional medicine. In: *Obryady i verovaniya narodov Karelii*. Petrozavodsk: KarNTs RAN, 103–121. (Rus.).

Pashkova, T.V. (2015). Etiology and methods of treating muahine disease in the understanding of Karelians. *Finno-ugorskiy mir*, 22(1), 47−50. (Rus.).

Pashkova, T.V. (2021). Karelian mythological beliefs about animals and birds (on the example of folk medicine). *Yezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*, 15(4), 633–641. (Rus.).

Pashkova, T.V. (2024). Religious and mythological views of Karelians on the diseases smallpox, rubella, measles and chickenpox. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 64(1), 151−158. (Rus.).

Paulaharju, S. (1924). *Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia.* Porvoo: WSO.

Paulaharju, S. (1982*). Karjalainen sauna*. Helsinki: SKS.

Pentikäinen, J. (1971). *Marina Takalon uskonto.* Helsinki: SKS.

Petrov, K. (1863). Diseases of the common people. *Olonetskiye gubernskiye vedomosti*, (48), 183−189. (Rus.).

Plotnikova, A.A. (1996). Wind. In: *Slavyanskiye drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar'. Tom 1*. Moscow: Mezhdunarodnyye otnosheniya, 86−88. (Rus.).

Popov, G.I. (1903). *Russian folk medicine: based on materials from the ethnographic bureau of Prince V.N. Tenishev.* St. Petersburg: Tipografiya A.S. Suvorina. (Rus.).

Pulkkinen, R., Lindfors, S. (2016). *Suomalaisen kansanuskon sanakirja.* Tallinna: Gaudeamus. (Rus.).

Punzhina, A.V. (Komp.) (1994). *Dictionary of the Karelian language (Tver dialects).* Petrozavodsk: Karelia. (Rus.)

Ryagoyev, V.D. (Comp.) (1980). *Samples of Karelian speech*. Leningrad: Nauka. (Rus.).

Stepanova, A.S. (2000). *Oral poetry of Tunguda Karelians.* Petrozavodsk: Periodica. (Rus.).

Vinokurova, I.Yu. (2015). *Mythology of the Veps: An encyclopedia.* Petrozavodsk: PetrGU. (Rus.).

Virtaranta, P. (1958). *Vienan kansa muistelee*. Porvoo; Helsinki.

Virtaranta, P. (1961). *Tverin karjalaisten entistä elämää.* Porvoo; Helsinki: WSO.

Virtaranta, P. (1983). *Tverinkarjalasta parannustietoa. Kansa parantaa*. Helsinki: SKS, 231−241.

Vuorela, T. (1975). *Suomalainen kansankulttuuri.* Porvoo; Helsinki: WSOY.

Zelenin, D.K. (1941). About the old life of the Karelians of the Medvezhyegorsk region of the Karelo-Finnish SSR. *Sovetskaya etnografiya*, (5), 110–125. (Rus.).

Zhukova, O.Yu., Zaytseva, N.G. (2020). “Forest nose”, “wind nose”, “curse of water”: Mythology in the service of nomination (Vepsian names of diseases emanating from forest spirits, water and wind). *Nauchnyy dialog*, (11), 53–66. (Rus.).

Пашкова Т.В., https://orcid.org/0000-0002-0505-4767

Сведения об авторе: Пашкова Татьяна Владимировна, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой, Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск.

About the author: Pashkova T.V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Head of Department of Baltic-Finnic Philology, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Accepted: 26.02.2025

Article is published: 15.06.2025